

ДИАНА КАН

НА РАСПАХНУТОМ
НАСТЕЖЬ ПРОСТОРЕ...

* * *

Дитя победы и любви,
Мой городок беды не знает.
На обвинения мои
Махровым матом отвечает:

“Провинциален я? И что ж?
На кой мне ляд столичность эта?
Я, может, этим стал и вхож
В стихи великого поэта!

А вот и сам поэт — в своей
Широкополой шляпе модной —
Под сенью старых тополей
Строчит очередную оду.

С утра не чёсан, не поёт,
Не пригубив чайку с печеньем,
Мой трубадур-акын-поэт
Уже во власти вдохновенья.

КАН Диана Елисеевна — русская поэтесса, автор книг “Високосная весна”, “Междуречье”, “Подданная русских захолустий” и др. А также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегии ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Мне всё знакомо наизусть:
Сейчас с досадой отмахнётся,
Едва щеки его коснусь
Задорно летним бликом солнца.

О чём он пишет? О любви!
Любви к кому? Ко мне, конечно!
Его поди останови...
Ишь, распалился как, сердечный!

Лирикоэпическая страсть
Да плюс ухватистая сила...
Он принят (сядь, чтоб не упасть!)
В Союз писателей России.

К столичным скопищам врагов
Он безмятежно безразличен...
Ты удивишься: “Кто таков?”
Дианой Кан поэта кличем”.

* * *

Словоблудием, лестью, обманом
Безо всякого чувства вины
Рассовали страну по карманам...
Вот и нету великой страны!

Пошлый фарс претендует на драму:
Что ни мразь, что ни грязь —
светлый князь.
И, похоже, что главненький самый
Со стыдом не знаком отродясь.

Закрома разменяв на карманы
И на центы — родные рубли,
Меж Зимбабве и Ганой-Гвианой
Суверенный покой обрели.

Аль не нравится вам, раздолбаи,
Инфернальное это кино?..
А страна-то, страна-то какая?
Украина, вестимо оно!

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольню чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам,
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная не даром
Яик-реку строжайше нарекла, —
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, — Уралом.

“Какое ж тут смирение?” — спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячеletние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

Ей не впервой по осеням невеститься,
Ведь за погляды денег не берут,
Не призывая на себе повеситься
По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
Но разве не иуды ты и я,
Сбежавшие когда-то в мегаполисы
От сельского наивного житья?

Полным-полно таких по мегаполисам
Серебренникам скорбный счёт ведут...
За нас она и кается, и молится,
За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколечко.
Невинная — исполнена вины!
И добавляет терпкой зябкой горечи
В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
Предательские слёзы на щеке,
Когда осина, солнцем осиянная,
Сгорает на осеннем сквозняке.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам — повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
“Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..”

Но и он себе ведает цену,
Хоть не будет трезвонить о ней,
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.